

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Исторические свидетельства VI—XI вв. н. э. очерчивают обширную территорию от Эльбы до Оки и от Балтийского до Средиземного моря, занятую различными славянскими племенами. Установление более ранних границ и внутреннего членения славянской области основывается в основном на данных языкознания и археологии. Поэтому работавшая на IV Международном съезде славистов подсекция «Происхождение славянских языков и народов» объединила представителей этих двух наук для обсуждения многочисленных докладов, носивших итоговый характер или намечавших новые пути исследования. Разнообразные по тематике, эти доклады в конечном счете освещали различные географические и хронологические аспекты проблемы расселения и передвижения славян со времени выделения праславянского языка из индоевропейской общности.

1. Упомянутый выше период ранних исторических свидетельств о славянах (VI—XI вв.) является в основном периодом колонизации новых территорий, на которые в предшествующую эпоху распространились славянские племена (или же «деславянизации» части этих территорий в результате новых этнических движений). Имеющиеся скудные исторические свидетельства использованы для освещения этих процессов далеко недостаточно. С тем большим интересом были восприняты попытки нового истолкования записей источников: рассмотрение западнославянских этнонимов, упомянутых в XI в. так называемым Баварским географом (М. Рудницкий)¹, и анализ названий византийских крепостей к югу от Дуная в известном труде (VI в.) Прокопия Кесарийского (В. Георгиев)².

¹ См. M. R u d n i c k i, Geograf Bawarski w oświeetleniu językoznawczym, «Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen...», Warszawa, 1958. Давая этимологии почти 60 этнонимов, автор ряд из них, прежде считавшихся германскими, истолковал как славянские.

² Вл. Г е о р г и е в, Най-старите славянски местни имена на Балканския полуостров..., «Български език», год. VIII, кн. 4—5, 1958. То же в кн: В. Г е о р г и е в, Въпроси на българската етимология, София, 1958, стр. 67—88. Выводы В. Георг

Основательное обсуждение методов и результатов этих работ, несомненно, еще впереди. Новый материал для уточнения движения новгородских словен к северу после X в. дается в анализе восточнославянских заимствований в вепских, карельских и вотских диалектах, проделанном Ф. Ойнасом³.

2. Несколько докладов было посвящено времени активных славянских переселений (около II—VI вв. н. э.). Важнейшее из этих переселений — движение славян на Балканы — сопровождалось контактом пришельцев с многоязычным населением вновь освоенных земель, в частности с носителями так называемой «балканской латыни»⁴. Локализацию этого контакта в районе современного сербско-болгарского пограничья⁵ подтверждает установленный в докладе Э. Петровича⁶ ареал собственно болгарско-славянской топонимики на территории Румынии (Олтения, Зап. Мунтения, сев. граница — р. Муреш).

Попыткой интерпретировать данные диалектологии южнославянских языков для нового подхода к проблеме переселения

гивеа (богатая славянская топонимика на территории Болгарии, особенно Западной, уже в VI в.), если его этимологии выдержат тщательную проверку, потребуют пересмотра датировки движения славян на Балканы.

³ См. F. J. O i n a s, Russian and Eastern Balto-Finnic linguistic contacts, 's-Gravenhage, 1958.

⁴ Активное взаимодействие этого балканского субстрата со славянским суперстратом, особенно же с восточной частью славян-переселенцев, неоднократно подчеркивалось в последнее время. Ср. замечания И. Дуриданова, В. Георгиева, Э. Петровича и Р. Г. Пиотровского («Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1958, стр. 199—206, 221—225).

⁵ Ср. М. П а в л о в и њ, Перспективе и зоне балканистичких језичких процеса, «Јужнословенски филолог» (ЈФ), XXII, 1958.

⁶ Э. Петрович, Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики, «Romanoslavica», I, București, 1958.

славян на Балканы был доклад П. Ивича¹. Сербский лингвист определяет направление основных изоглосс на южнославянской территории, прослеживает пучок важных изоглосс на древней границе между восточной и западной ветвями южных славян (по линии Видин—Осогово)² и делает вывод о формировании основных южнославянских особенностей уже в период расселения на Балканах³.

Ряд интересных данных в решении этой проблемы дает изучение ареалов отдельных топонимических типов, проведенное для юго-восточной части южнославянской области И. Дуридановым⁴, для ее северо-западной части — Ф. Безлаем⁵. Рассматриваемые последним параллелизмы в топонимике Северо-Западной Словении и Центральных Карпат свидетельствуют, по мнению автора, о ряде последовательных миграций предков южных славян из районов Закарпатья.

Начальная стадия движения славян на юг представляет, несомненно, их переход через Карпаты. В освещении этого процесса ценные данные мог бы предоставить анализ новой лексики, созданной или усвоенной славянами в новой для них географической среде. Частично привлечены в работе Ф. Безлая лексические данные среднесловацких и закарпатских украинских говоров еще ждут детального исследования.

Освещение этнических движений славян на территории к северу от Карпат связано со значительными трудностями. Северо-восточная граница славянства устанавливается на основании датировки древнейших (восточно-) славянских заимствований в финских языках. В. Кипарский, усильно разрабатывающий эти вопросы в последнее время, в своем докладе на съезде по-прежнему выдвигает гипотезу о возможности более раннего контакта восточных славян с финнами, чем с балтийцами⁶ (речь идет о вторичном славяно-

балтийском контакте); это, однако, требует новой интерпретации результатов исследований по балтийской топонимике, проведенных в свое время М. Фасмером. Вообще вопрос о поздних славяно-балтийских отношениях в этом районе, прежде всего о влиянии балтийского субстрата на южно-и среднеурусские говоры, еще ждет решения.

В установлении восточной границы славянства в этот период сделаны крупные успехи благодаря работам советских археологов. Характеризуя в своем докладе зарубинецкую культуру как славянскую, П. Н. Третьяков считает восточным рубежом славянской области в начале нашей эры район средней Десны⁷. Продолжающийся между археологами спор о готском или славянском характере черняховской культуры (II—V вв. н. э.) с лингвистической точки зрения может быть решен детальнейшим анализом ареалов готских заимствований в праславянском. Определение пути движения готов по славянской территории и длительности их пребывания на ней имеет первостепенное значение и для хронологии диалектного членения праславянской области.

Западная граница славянства в этот период определяется наиболее гипотетически. Некоторый дополнительный материал для ее локализации дает полабская лексика, как показала Б. Шидловска-Целлева⁸. Топонимическая стратиграфия, разрабатываемая С. Роспондом⁹ (установление пространственно-временных ареалов отдельных словообразовательных топонимических типов), возможно, прольет больше света на эту проблему.

3. В период еще более ранний (I тысячелетие до н. э.) с определенностью можно локализовать славянскую область лишь к северу от Карпат¹⁰. Попытки уточнения ее локализации по-прежнему находятся в области гипотез, зачастую полностью исключают одна другую. Спорным прежде всего является вопрос о западной границе славянства. Распространенные в настоящее время взгляды польской школы лингвистов и археологов были широко

¹ П. И в и ч, Значај лингвистичке географије. . . ЈФ, XXII, 1958. Аналогичные методы применяет и И. Повович. Ср. I. P o r o v i ć, Zur Urgeschichte der Serben in Pannonien, ZfslPh, Bd. XXVII, Hf. 1.

² Это положение вызвало на съезде ряд серьезных возражений Ц. Тодорова.

³ Взгляды П. Ивича, таким образом, во многом близки к недавно высказанной точке зрения Ф. Славского (F. Sławski, Ugrupowanie języków południowo-słowiańskich. ВРП, zes. XIV, fasc. XIV, 1955).

⁴ И. Дуриданов, За някои редки словообразователни типове в българската топонимия. . . «Славистичен сборник», I — Езикознание, София, 1958; е г о ж е, Топонимичните δ-суфигиси в южнославянските езици, «Български език», год. VIII, кн. 4—5.

⁵ F. B e z l a j, Stratigrafija slovanov v luči onomastike, «Slavistična revija», letn. XI, 1—2, 1958.

⁶ Ср. В. К и п а р с к и й, О хронологии славяно-финских лексических отношений, «Scando-slavica», t. IV, 1958. О

возможности более ранних славяно-финских контактов (отрицаемых В. Кипарским) см. П. А. А р и с т а, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

⁷ П. Н. Т р е т ь я к о в, Итоги археологического изучения восточнославянских племен, М., 1958.

⁸ В. S z y d ł o w s k a - C e g ł o w a, Semantyczna analiza połabskiego zasobu leksykalnego, «Z polskich studiów...».

⁹ S. R o s p o n d, Stratigrafia toponimiczna, «Z polskich studiów...».

¹⁰ Особняком от этой общепринятой точки зрения стоят взгляды М. Будимира, считающего, что славянская прародина была близка к балканско-апатоллийским культурам (ср. М. Б у д и м и р, Protoslavia, «Славянская филология. Сб. статей», II, М., 1958).

представлены на съезде¹. В последнее время против этой точки зрения (славянской является территория по крайней мере к востоку от Одры) еще раз выступил К. Мошинский, отодвигающий западную границу славян в Поднепровье на основании анализа гидронимии и лингвистико-палеоботанических аргументов².

Уточнение западной границы славянства стало бы возможным, если бы были известны соседи славян в этом районе. Недавно вновь было выдвинуто предположение, что таковыми являлись кельты. Т. Лер-Сплавинский, опираясь на археологические свидетельства, проводит восточную границу кельтской экзпансии (IV в. до н. э.) по территории Малой Польши³; анализ ряда праславянских заимствований из кельтского и кельтской гидронимии подтверждает это предположение. Другие считают западными соседями славян венетов-иллирийцев (Я. Чекановский). Материалы, опубликованные недавно Г. Крае⁴, дают предпосылки к новому освещению венетской проблемы.

До сих пор нет даже приблизительной хронологии наиболее ранних славяно-германских контактов на западе. Выступавший на съезде В. В. Мартынов склонен предполагать длительное соседство и взаимопроникновение славян и германцев в этих районах⁵; в таком случае, очевидно, исключается существование каких-либо иноязычных племен между ними. Определение северо-западной границы славян в этот период станет возможным лишь после анализа славянской морской терминологии⁶, их юго-восточной границы — лишь

после рассмотрения северогерманских заимствований и топонимики⁷.

4. Период более ранний, чем рассмотренный выше, ставит перед исследователями прежде всего проблемы балто-славянских отношений, детально рассмотренные на съезде⁸, и отношений праславянского к другим индоевропейским диалектам. Здесь все больше выдвигается на первый план мысль о существовании северной индоевропейской диалектной группы, включающей славянские, балтийские, германские⁹ и, возможно, тохарские¹⁰ диалекты. Усиленно разрабатывался в последнее время также вопрос о хетто-славянских параллелизмах¹¹.

Разработка проблем этого периода будет во многом зависеть от прочности той основы (сведения о периодах более поздних), на которую опирается исследователь. Преимущество лингвиста перед археологом — возможность путем анализа какой-либо древнейшей черты языка проникнуть в «глубокий пласт» его истории — таит в себе определенные опасности: ведь наличие этого «пласта» должно отразиться и подтвердиться в «слоях» более поздних. Минувший съезд сделал своего рода свод разрозненных находок в различных хронологических «пластах». При этом стало ясно, как велики еще «белые пятна» на временной и пространственной карте славянских и соседних им земель, какие сложные задачи стоят перед будущими исследователями.

В. М. Иллич-Свитыч

¹ Они излагались (частично) в докладах Т. Лера-Сплавинского, Я. Чекановского, В. Генселя.

² K. Moszyński, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław — Kraków, 1957. См. рецензию В. Н. Топорова в ВЯ, 1958, № 4.

³ T. Lehr-Spławiński, Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich, «Rocznik slawistyczny», t. XVIII, cz. 1. Ср. рецензию М. Рудницкого в «Lingua posnaniensis» (VI, стр. 171—175).

⁴ H. Krahe, Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den Lausischen Ostseeländern..., Mainz-Wiesbaden, 1957 (см. рецензию В. П. Шмидта в «Beiträge zur Namenforschung», Bd. 9, Hf. 2, 1958, стр. 208—210).

⁵ См. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 188—190.

⁶ Рассмотрение одного слова *morje (см. И. Попович, «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 180) мало что дает в этом отношении. Ср. результаты анализа словацк. *morské oko* «небольшое горное озеро», проделанного А. В. Исаченко (сб. «Езиковецки изследвания в чест на акад. Ст. Младенов», София, 1957).

⁷ Славяно-скифские связи рассматривались в сообщении К. Треймера (по мнению автора, скифы — не иранцы) (см. K. Treimer, Skythisch, Iranisch, Uralisch, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. VI, 1957/58).

⁸ См. ВЯ, 1959, № 1, стр. 139—141.

⁹ Ср. В. Георгиев, Балто-славянский, германский и индо-иранский, «Славянская филология...», I.

¹⁰ Ср. T. Lehr-Spławiński, Zur Frage nach der Stellung des Slavischen und des Tocharischen innerhalb der indoeuropäischen Sprachenwelt, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. VI; В. Георгиев, Балто-славянский и тохарский языки, ВЯ, 1958, № 6; см. также Вяч. В. Иванов, Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам, «Славянская филология...», II.

¹¹ Ср. Вяч. В. Иванов, О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков, ВСЯ, вып. 2, М., 1957; V. Maschek, Chetitské paralely k slovanskému tvoření slov, в сб. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», Praha, 1958.